

«ОКНО ДИСКУРСА» КАК ТЕХНОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕАЛЬНОСТИ

А.А. РОМАНОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверская государственная сельскохозяйственная академия», г. Тверь

В статье рассматривается «окно дискурса» как технология изменения представления о реальности. Автор приходит к выводу, что развитие идей успешного внедрения в массовое сознание «самораспространяющихся» идей с использованием эффективного механизма их порождения, управления и трансляции через медийную инфосферу дискурсивных смыслов влечет за собой изменение концептуальной сетки и системы национальных традиций.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная реальность, «окно дискурса», «вирусная» информация, регулятивный механизм.

"WINDOW OF DISCOURSE" AS THE TECHNOLOGY OF CHANGING CONCEPT OF REALITY

A.A. ROMANOV

The article deals with "window of discourse" as the technology of changing concept of reality. The author concludes that the development of ideas in the successful implementation of mass consciousness of "self-propagating" ideas using effective mechanism for their generation, management and broadcast over the media infosphere of discursive meanings entails a change of conceptual grid and system of national traditions.

Keywords: discourse, discourse reality, "window of discourse", "viral" information, regulative mechanism.

Только вникая глубже в психологию масс, можно понять, до какой степени сильна над ними власть нушенных идей.

Гюстав Лебон

Чем больше вы разрушены, тем легче над вами господствовать – тогда нечего опасаться восстания с вашей стороны.

Ошо Раджниш

Идеи быстрого и эффективного распространения «срежиссированной» (т.е. постановочной, заранее сконструированной и придающей по своему усмотрению, замыслу, плану и желанию фактам, событиям, явлениям конфигурационные очертания и соответствующие оценки) дискурсивной реальности, способной создавать возможности и условия реализации незаметного внедрения в массовое сознание «вирусной», «прошивающей насквозь» и разрушающей привычные жизненные уклады и устои, культурные шаблоны и языковые паттерны информационных посланий, высказывались представителями различ-

ных научных школ и направлений в философии, психологии, социологии, лингвистике, медиевистике, теории коммуникации, чтобы ответить на вопросы “как устроен” и “на какой основе функционирует механизм внедрения” (использования) информационных посланий с целью «результативного реформирования контрарно противопоставленных (противопоставляемых) оценок общественного мнения с негативных и, на первый взгляд, абсолютно неприемлемых на позитивные», чтобы описываемые (передаваемые) события (данные, сведения, факты,) могли приобретать «спектаклеобразную» форму [9, с.58-92; 12, с.92; 22].

С интенсивным развитием дискурсивной парадигмы, которая в контексте «антропоцентрического сдвига» в сторону «говорящего субъекта» и трансгуманизма опирается на доминанту вербоцентризма, схожую с картезианским посылом: «Я говорю, следовательно, Я существую», на первый план «выступила поверхностная сторона учения Декарта» [23, с. 31], способствующая формированию сегодняшней западно-европейской цивилизации «*homo loquens*». В рамках указанной парадигмы «тождества языка и сознания» и «текстуализации бессознательного», где «всплывающие из бессознательного образы» не имеют реальной «репрезентативности», а только лишь связаны с текстовой репрезентацией на базе лакановского переноса «скользящими означаемыми» [5, с. 9-10, 13-15; 4; 1], нашли широкое применение в разработках, посвященных проблемам активного распространения и широкого внедрения в массовое сознание новых трансгуманных ценностей и поведенческих норм средствами и технологиями медийной дискурсии как упорядоченного множества коммуникативно-интерактивных практик, ставших в наши дни «протоколами власти» [23, с. 31].

В этом свете обширная и «массированная», по Ж. Бодрийару [1], медийная дискурсия как один из атрибутов «протоколов власти» проявила и проявляет свою способность выполнять своеобразную роль «средств формирования человеческого сознания в социальных процессах» [2; 3] или «медиаторов», способных при помощи «различных психологических орудий и их сложных систем», включая «язык, мнотехнические приспособления, алгебраическую символику, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки и т.д.» [2, с. 103], дискурсивно создавать инфосферу как «новую территорию, открытую для человеческого взаимодействия, расширения экономики и, в особенности, для социальных и политических махинаций» [7, с.9; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Превращение расширенных медиа-пространств в глобальную инфосферу как информационную территорию позволяет не только контролировать протекающие в ней самой процессы, но и тем самым дискурсивно оказывать самое активное влияние на восприятие массовым адресатом создаваемой ею дискурсивной реальности со всеми особенностями. В этом плане дискурс как «психологическое орудие» в «системе средств формирования человеческого сознания», как «орудийный» элемент инфосферы оказывается «включенным в процесс поведения» массового адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации и способен «видоизменять всё протекание и всю структуру психических функций» такого потребителя, «определяя своими

свойствами строение нового ... искусственного ... инструментального акта». При этом «искусственные (инструментальные) акты ... суть те же естественные», которые «могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к этим последним» [2, с. 103-104]. Примечательно, что в инструментальных (созданных) актах «искусственной является комбинация (конструкции)» и «направленность, замещение и использование этих естественных процессов», и что их функциональная специфика базируется на использовании других – не прямых – ассоциативных («условнорефлекторных») связей, которые уже обусловлены применением «психологического орудия», хотя и «ведут к тому же результату, но другим путем» [2, с. 104].

Таким образом, дискурсивная реальность, созданная актами медийной дискурсии, есть продукт инфосферы или медиа-пространства, где дискурс выполняет функционально-инструментальную, орудийную роль некоторого сконструированного фреймового формата, своего рода «окна», сквозь которое проходит информация к потребителю, а в месте с ней и предлагаемая авторская («срежиссированная») оценка вербально-коммуникативного события, созданного (или создаваемого) дискурсом как стимулом (раздражителем) с соответствующей реакцией, который [т.е. дискурс-стимул как «стартовый регулятив, по А.А. Романову [8]] «становится психологическим орудием в силу использования его как средства воздействия на психику и поведение» [2, с. 106-107].

Вербально-коммуникативные события – это акты медийной дискурсии, которые, «становясь психологическим орудием как средством воздействия на психику и поведение», направлены на социальные перемены не только в масштабах глобального мирового пространства, так и в отдельных его частях. Нередко такие вербально-коммуникативные события, несущие социальные перемены, причисляют к «медиа-вирусам» [7, с. 10], способным при помощи медийных дискурсивных актов распространять «вирусную» или «вирусно-меметическую информацию» в виде «орудийных» дискурсивных «стимулов» – посланий и тем самым воздействовать на психику адресата, «повышая и безмерно расширяя возможности его поведения» [2, с. 107; ср. идею о «внешнем расширении человека» Г.М. Маклюэна, 2003].

Удобным инструментом для реализации этих целей может служить модель «дискурсивного окна» или «окна дискурса» как когнитивно-коммуникативного конструкта. Основанием такой модели могут служить:

а) акты медийных практик в пространстве дискурсивной реальности, создаваемой самими этими актами в тематическом пространстве инфосферы,

б) конкретный дискурс как комплексный знак-каузатор со скользящими означающими в трактовке Ж. Лакана, т.е. дискурс, обусловленный наличием «срежиссированных» меметических (вирусных) коммуникативных практик, свободных от жёстких референциальных привязок к предметному, событийному или фактуальному миру, и

в) дискурс как реально предложенная для внедрения и имплантирования (раскрутки) совокупность означающих (манифестационных) форм, окунаясь в которую, адресат как говорящий субъект *восполняет* (интерпретирует, оцени-

вает, объясняет) *на свой лад* отсутствие предметной соотнесённости и *верит* в своё объяснение.

Другими словами, во взаимодействии с дискурсом (в) адресат творит свою субъективную предметность, исходя либо из наличия предложенных форм самих дискурсивных практик (т.е. из наличия их планов выражений), либо из наличия собственной интерпретации, оценки, установки, не подкрепляя их возможностью верифицирования, но полагаясь на веру в то, что высказано (или выражено, преподнесено) в предлагаемом формате (окне) дискурса, то и фактуально. Иначе говоря, адресат, по Дж. Солу, «верит в то, что утверждается с экрана» или в СМИ и руководствуется этим, веря в «поверхностную сторону учения Декарта» [23, с. 31], точнее, в его перефразированный вариант: «Если о чем-то говорят, сообщают, информируют, то это и существует на самом деле для меня». Таким образом, в рамках (в формате) конкретно созданной и сконструированной говорящим субъектом дискурсивной реальности («окне дискурса») предлагаются (создаются) возможность и условия реализации незаметного внедрения информации в сознание потребителя.

Идея использования медийного «дискурсивного окна» в конструировании механизма самораспространяющейся веры в информацию с целью использования «срежиссированного» и отформатированного дискурса как «психологического орудия» в «системе средств формирования человеческого сознания» и одновременного использования в качестве «орудийного» элемента инфосферы, предназначенного для создания «индивидуального туннеля» дискурсивной (конверсационной) реальности, в которую в ходе интенсивной «бомбардировки» смысловыми посланиями погружается человек и в которых (в туннеле и дискурсивной реальности) он будет находиться и жить с верой в их существование, имеет определенную традицию в рамках научной школы динамической модели регулятивного общения [8; 9, с.58-92; 10]. При этом отмечалось, что в процессе нахождения адресата в индивидуальном туннельном пространстве дискурсивной реальности осуществляется выработка нового, *периформатированного* (перепрограммированного) *поведения* массового адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации.

Более того, в ряде работ тверских исследователей научного направления динамической модели регулятивного общения также подчеркивалось, что «индивидуальный туннель дискурсивной реальности» не только для одного человека, но, как показывают события «цветных революций», и для социума в целом «представляет собой некий конкретный **знаковый** (коммуникативный) **конструкт**, соответствующий ментальному пространству индивида, **мерность** которого определяет персональный уровень целостности в его восприятии мира», создаваемый в инфосфере реальностью конкретного дискурса или дискурсов [9; 10; 17, с. 248-249; 25; ср. также слова Хун Цзы Чена: «Размеры пространства обусловлены нашим сознанием»].

Обозначенный туннель «в виде определенного знакового (коммуникативного, вербального) конструкта может являться для участников коммуникации определенной реальностью», в которой они себя размещают и оперируют её смыслами и образами [17, с. 248-249; см. также: 15; 25]. Кроме того отмеча-

лось, что предпринимаются попытки выделить различные классы (разряды) «туннелей», которые задаются такими идеями или смыслами, как *вера, любовь, честь, польза, справедливость, красота, истина, грех* и др., и что носителями таких идей являются *энергоинформационные поля* в виде *когнитивных пространств*, изучаемых когнитивной семантикой в лингвистике и субъективной семантикой в психологии [16; 17, с. 248; 22; 25].

Процесс понимания смысла выраженного параметра мерности может выступать в качестве универсальной *единицы осознания физической картины мира*, в которой находится (или: в которую вплетен) процесс понимания конкретного знакового конструкта как текст или дискурс. Процесс осознания и понимания *дискурса* как *тоннельного конструкта* в виде совокупности естественно-языковых практик (или энергоинформационных вербальных структур) осуществляется в комплексном, многомерном пространстве коммуникативного взаимодействия между отправителем и получателем дискурсивных практик, а именно – в рамках функционально-семантического представления (ФСП) типовых дискурсов, которое отражает согласованное взаимодействие в рамках типовой его реализации (Романов, 1988).

Свойства энергоинформационных структур аккумулировать в дискурсивных «туннельных знаках семантические (значимые) переменные» дискурсивной реальности или *когнитивные «мерности»* дискурсивных смыслов представлены в концепции «коммуникативного конструктивизма / конструкционизма» [16; 17; 25], где *дифференциальные мерности* (признаки, значения) контрарно представлены на горизонтальной (временной) оси от диаметрально противоположных до возможных, приемлемых или абсолютно нейтральных.

Коммуникативный конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это «трактовка ментальной репрезентации как специфического языка мышления» (по Дж. Келли), это контрарный тип отношения «мерностей» на протяжении семантического объёма «туннельного» знака. В этом процессе (т.е. трактовке и оценки, в мерности) отправной точкой является сам человек как *когнитивный агент*, который *самостоятельно производит отсчет для себя, своей деятельности* и для *выработки ориентационных форм поведения*. К этому следует добавить, что человек через «туннельный» знак воспринимает «внешнее» (окружающий мир) через «внутреннее» (свое сознание), причем границы образа мира и образа себя в этом мире достаточно подвижны.

Так, смысловой объём «туннельного» дискурса со значением «утешение» – например, самое тривиальное: «Таня, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч» – включает в себя не только контрарные значения «Разлада» и «Лада», но и расположенные на временной оси значения, которые в зависимости от направления движения отправителя и адресата в интерактивном пространстве туннеля «утешение» – совместное, а возможно и раздельное движение к «Ладу» либо движение к «Разладу» – должны пройти *нейтральную* зону или точку. Движение участников (отправителя сообщения и получателя сообщения) в ту или иную сторону по линии объёма (шкалы) форматного коммуникативного конструкта показывает набор реальных или возможных действий, приемлемых участниками для оценки и реализации своих планов и действий.

Другими словами, движение участников показывает возможное пространство дискурса – его «*окно*» – действий (вербальных операций, суждений, посланий в виде коммуникативных практик, видеосюжетов, фотографий и карикатур и т.п.) или «*границы окна*», в которое (дискурсивное пространство) они вместе или каждый по отдельности (самостоятельно) могут входить или не входить (погружаться или не погружаться), чтобы по степени выбранной ими приемлемости своих действий и действий другого (т.е. действий отправителя и получателя, адресата) интерпретировать и оценивать их по шкале «*принимаю*» или «*не принимаю*» в качестве руководства к действию.

Аналогично работает «*туннельный*» механизм «дискурсивного окна» и при использовании других коммуникативных конструктов, например, конструкта «угроза», условия реализации которого в медийно-дискурсивном информативном пространстве жёстко не регулируются предметной сферой – только обыденного или только политического – взаимодействия в созданной участниками дискурсивной реальности, но обуславливаются её эмоциональной сферой. Туннельный коммуникативный конструкт «угроза» представляет собой определенный тип отношений между такими понятиями антонимического плана, как эмоциональное комфортное и дискомфортное состояние (т.е. как «Лад» и «Разлад» в конструкте «утешение»). Практически любой конструкт предполагает, что кроме данных понятий-антонимов существует некое среднее понятие [22], относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних. Подобный тип отношений называется контрарностью.

Другими словами, на *континууме содержания конструкта* «угроза» между эмоциональным комфортным и дискомфортным состоянием участников дискурсивно-интерактивного воздействия имеется промежуточное звено (пункт **А**) как точка отсчёта – аффицированное эмоциональное состояние, под которым понимается такой элемент конструкта угрозы, который отображает *затронутость положительных или отрицательных эмоциональных переживаний* собеседников. *Движение* от комфортности (К) к дискомфортности (Д) можно графически *представить* в виде *определенной линии*, направленной от полюса эмоционального комфортного состояния к дискомфортному состоянию и *проходящей* через аффицированное состояние:

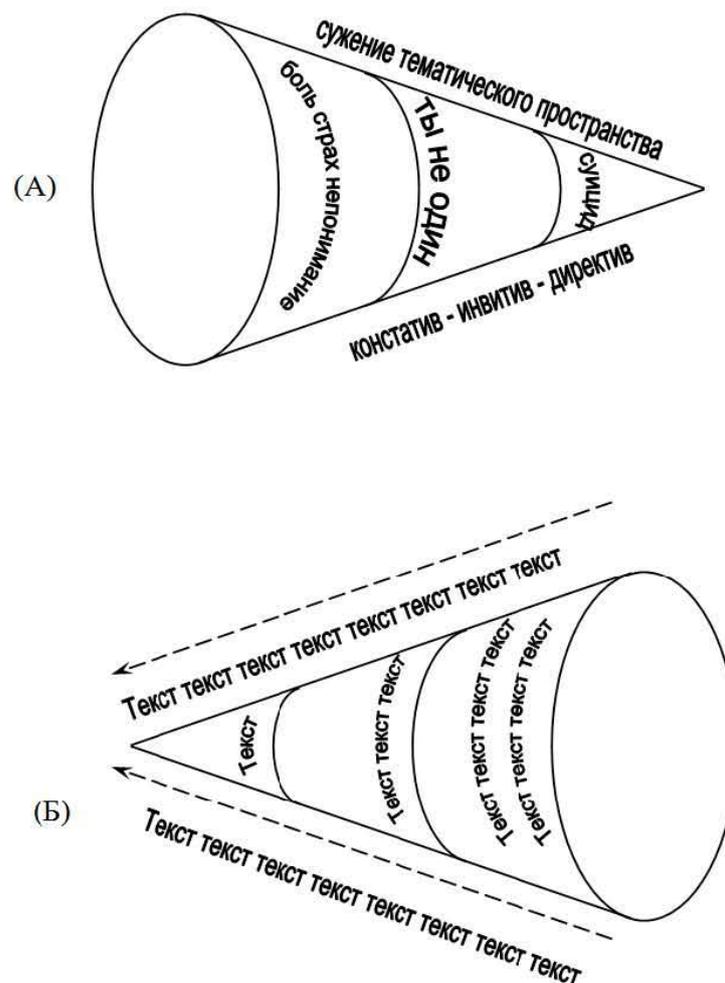
К|-----А----->|Д.

Использование технологии «дискурсивного окна» в реализации «туннельного» конструкта «угроза» представляет собой сложную в динамическом плане интерактивную обмен когнитивную ситуацию, которая с учетом количества элементов рассматриваемого коммуникативного конструкта и степени доминирования положительных или отрицательных эмоциональных состояний может быть и является на практике достаточно подвижной.

Предлагаемая технология «дискурсивного окна» характерна тем, что она, главным образом, ориентирована на *совместную* (согласованную, синергичную, т.е. со-работническую, взаимопредполагаемую или взаимооговоренную) *деятельность участников* дискурсивной интеракции, открытую для декларации своих коммуникативных целей и намерений. Даже в случае реализации каких-либо противоречивых по целевым параметрам и установкам реальных

практик-угроз, эта модель может быть дополнена, расширена или снята (сужена) в семантическом и тематическом объемах их «туннельного» конструкта путем выработки более точной градации оттенков диспозиций эмоциональных состояний собеседников и конкретной «мерности» («прецизионной» точности) этих оттенков. Кстати сказать, подобное расширение или сужение является технологически значимым в коммуникативном взаимодействии и воздействии и зависит от типа дискурсивной интеракции и конкретных задач её инициаторов или «режиссеров».

Тем не менее, направления эмоциональных воздействий самораспространяющейся информации, создаваемых технологической («отрежиссированной») подвижностью модели «дискурсивного окна» при содействии или помощи конкретных коммуникативных (естественно-языковых, в том числе) практик-угроз, остаются инвариантными в рамках туннеля (ФСП) коммуникативного конструкта «угроза», но при этом будут задавать конкретный формат (границы, объём, формы) для своего специфического «дискурсивного окна», позволяя ему то расширяться, то суживаться. Технологии (А) расширения и (Б) суживания «дискурсивного окна» можно схематически представить таким образом:

К сказанному можно добавить, что и технология (А) и технология (Б) могут эффективно использоваться как в случае информационных войн, так и в случаях отбивания информационных «шумов», атак, вбросов, провокаций или

«мягких войн», в терминологии президент корпорации «Аэробюро» (Aerobureau Corp.) Чака Де Каро, призванных использовать медийную дискуссию для «*формирования (или манипуляции – А.Р.) воли другой нации через изменение представления о реальности*», то есть путем использования технологии «окна дискурса» или «дискурсивного окна», чтобы подменить фактуальную, действительную реальность дискурсивной реальностью [9; 10; 11; 12; 13; 14].

Действительно, как показывает Д. Рапкофф [7, с.9-11], «простейший способ изменить мир – это изменить телевизионную картинку», ибо уже «само телевидение», подчеркивает Дж. Фиске [24], «изменяет наше восприятие реальности», а это означает, что изменяет и саму реальность. Д. Рапкофф схематически описал, как находящаяся в своем медиа-контексте одна-единственная медиа-картинка в виде любительской видеосъемки полицейских, избивающих чернокожего мужчину в Лос-Анджелес (США), вызывает у зрителя целый ряд откликов. Через несколько дней она становится темой дневного ток-шоу, а затем *через несколько недель* дело об избииении рассматривается судом в *постановочном сериале* «Закон Лос-Анджелеса». Но уже через несколько месяцев появляется *телефильм*, а к концу года появились новая *видеоигра*, *книжка комиксов* и *набор игральнх карт*. В конце концов, то, что вначале было просто тридцатисекундной видеонарезкой, превращается в *боевой лозунг* широкомасштабных городских беспорядков, а эти беспорядки, в свою очередь, *подхлестываются* новыми ток-шоу, радиопрограммами с ответами на звонки слушателей и *новыми эпизодами* постановочного или спектаклеобразного сериала «*Закона Лос-Анджелеса*». Таким образом, провоцирующая «картинка» или идея «распространяется с быстротой огня» 7, с. 11].

Д. Рапкофф продемонстрировал взаимосвязь и взаимообусловленность появления некоторого события («видео-картинки»), которое привлекает внимание отдельного человека и поданное в медийную сферу в виде изображения («картинки») порождает «реакцию медиа в течение нескольких секунд, минут или даже месяцев». Однако его влияние на зрителей и вовлеченных в эту дискурсивную реальность участников различных интеракций на этом не заканчивается. Ибо появляются «вопросы расизма», «полицейской жестокости», «первой поправки», «лос - анжелесской политики», «употребления наркотиков» и даже «могущества бытовой электроники», которые далеко не исчерпывают всего объема обратной связи «видео-картинки» и последующих событийных изменений или откликов, происшедших под влиянием (изменением, переформатированием) технологии смены угла интерпретации у зрителей при использовании того или иного ракурса «окна дискурса» [12; 21].

Итак, можно констатировать, что на сегодняшний день развитие идей успешного внедрения в массовое сознание «самораспространяющихся», «живущих идей, т.е. идей, активно прошивающих насквозь сознание человека», с использованием эффективного механизма их порождения, управления и трансляции через медийную инфосферу дискурсивных смыслов влечет за собой изменение той концептуальной сетки и системы национальных традиций, взглядов, ценностей и паттернов поведения, посредством которой человек как говорящий субъект и когнитивный агент осмысливает мир дискурсивной реальности, по-

рождая новый медийно-информационный, дискурсивно-образный или «клонированный» стиль мышления [9].

В этой связи сегодня крайне важно задуматься о роли и влиянии дискурсивной информационно-коммуникативной сферы на жизненное пространство человека, так как в современном глобальном мире она практически полностью «втянула» такого человека в своё пространство и сопровождает его непрерывно, опутав сетью коммуникативных практик дискурсивной реальности. В результате созданная информационно-коммуникативной сферой дискурсивная реальность существует и функционирует как дискурсивная действительность информационно-коммуникативного мира, свидетельствующая о том, что в своей современной жизнедеятельности – в своих «сценариях жизни» – люди опираются на образы, на информацию, а не на живую (фактуальную) реальность саму по себе, подтверждая тем самым идею постструктуралистов о том, что образ, отражение не реальны без бытия, а вот бытие может быть реально и без знака. А это означает, что знак (образ, отражение) может информировать (воздействовать) настолько интенсивно, что его влияние может привести, по утверждению А. Менегетти, к «деформации элементарной энергии жизни» человека и может «зажимать, ограничивать, форсировать» его жизненную энергию в широком понимании, вплоть до той точки, когда человек не сможет выстоять, не изменив свои привычные взгляды, установки, ценности и формы поведения на радикальные, arrogantные, парадоксальные и даже невообразимые здравому смыслу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийар Ж. Фантом современности. Тени молчаливого большинства, или конец социального // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 180 – 280.
2. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – С. 103–108.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982a. – С. 6–361.
4. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 101 с.
5. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 184 с.
6. Менегетти А. Онтология и меметика. Пер. с итал. Под общ. ред. П. Бернабей. – М.: Психологическое издательство, 2002. – 149 с.
7. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М.: Издательство: Ультра. Культура, 2003. – 392 с.
8. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
9. Романов А.А. Политическая лингвистика: функциональный подход. – Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2002. – 191 с.
10. Романов А.А. Суггестивная модель речевого общения: Манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax / Человек лживый. Межвуз. сб. научн. трудов. Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М. – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2004. – С. 3–26.
11. Романов А.А. Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. – Language, Communication

and Social Environment. Ежегодное научное издание. – Вып. 13. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2015. – С. 87–116.

12. Романов А.А. Бенефициарные смыслы в информативной медиа-сфере // Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сб. научн. трудов XVI Международн. научно-практич. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. – С. 221–227.

13. Романов А.А. Механизм распространения «вирусных» идей в инфосфере регулятивно-меметической реальности [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016а, № 2. – С. 1–19. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

14. Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016б, № 4. – С. 1–34. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

15. Романов А.А., Малышева Е.В. Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография: сб. научн. трудов. – Вып. 3 / Научн. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2016. – С. 166–169.

16. Романов А.А., Романова Л.А. Прагматические свойства коммуникативного конструкционизма // Культура как текст. Сб. научн. тр. Вып. XI. – Москва-Смоленск: ИЯ РАН; Смоленск. Гуманит. ун-т, 2012. – С. 181–187.

17. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативность как категория сакрально-ритуальной дискурсии // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2013. – С. 245–251.

18. Романов А.А., Романова Л.А. Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. № 3. – С. 1–16. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

19. Романов А.А., Романова Л.А. Базовые принципы мелодийного воздействия в регулятивной коммуникации // Лингвистика без границ. Сб. статей памяти доктора филологических наук, профессора В.Б. Кашкина / Под ред. К.М. Шилихиной, О.О. Борискиной. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. – С. 131–143.

20. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Фреймовая матрица спиндокторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а, № 2. – С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

21. Романов А.А., Романова Л.А., Новоселова О.В. Инфосфера как новая регулятивно-меметическая «сетевая территория» // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II-ая Международн. научно-практич. конф.: Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ, 2016. – С. 81–96.

22. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – Москва – Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА, 2007. – 120 с.

23. Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. Пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 895 с.

24. Fiske J. Television Culture. – London and New York: Routledge, 1993. – 353 p.

25. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative space of the composite threat-performatives // Journal of Language and Literature. – 2014. – Т. 5, № 4. – P. 100–103.

ТЕХНОЛОГИИ МЕМЕТИЧЕСКОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ИНФОСФЕРЕ

Л.А. РОМАНОВА, А.А. БЫНЁВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверская государственная сельскохозяйственная академия», г. Тверь
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего*